

«Боже, добейте меня кто-нибудь!» — именно такой была моя первая мысль после пробуждения.

Ощущения, которыми меня награждал организм, были просто фантастическими. В голове работали отбойные молотки, отчаянно стремясь расколоть мою бедную черепушку на части, во рту словно кошки нагадили, а тело болело столь нещадно, что создавалось впечатление, будто меня всего пару минут назад извлекли из камнедробилки. Прибавить к этому сильную жажду, тошноту и туманную пелену в сознании, мешавшую внятно мыслить, — и получится общая картина сильнейшего похмелья, вызывающего нестерпимое желание поскорее сдохнуть.

Интересно, с чего бы это? Вроде я вчера не пил... много. Так, раздавили с парнями несколько бутылочек «беленькой» под хорошую закуску. Культурно посидели, пообщались... Или мы потом решили «догнаться»? Не помню. И это на меня не похоже. Да, трезвенником я не был, но до поросычьего визга никогда не напивался. Даже если активно уговаривали. Может, водка оказалась «паленой»? Так ведь брали не в ларьке, а во вполне приличном магазине... Ох-ох-ох, что ж я маленьким не сдох!

Поднатужившись, я совершил открытие века. А спустя пару секунд открыл и второе веко, с немалым удивлением рассматривая окружающую обстановку. Это — точно не моя квартира. Большая просторная комната с наклонным потолком из деревянных брусьев. На одной стене располагалось окно, в которое били яркие солнечные лучи, у второй стояла широченная кровать — натуральный сексодром, на котором в данный момент валялся я. Стену напротив занимали книжные стеллажи, а в уголке притаился огромный платяной шкаф. Причем на вид мебели было лет сто, не меньше. Массивная, с резными завитушками, покрытая толстым слоем янтарного лака — сейчас такую не делают. Разве что на заказ для очень-очень обеспеченных клиентов. Висевшее рядом зеркало в покрытой потемневшим от времени серебром рамке тоже выглядело гостем из прошлого века.

Блин, где это я? Меня что, похитил любитель антиквариата? Но зачем кому-то сдался обычный менеджер самого, что ни на есть, среднего звена? У меня ведь даже денег на выкуп нет... Разве что меня умыкнули ради органов. Так вот, почему мне так хреново! Меня просто накачали наркотиками! Но если я прав, в любую минуту сюда должны прийти санитары, желающие извлечь у меня почку. Или печень. Или все сразу — чего мелочиться-то? Поэтому хватит разлеживаться! Нужно подниматься и валить отсюда... Что?

Попытавшись встать, я обнаружил бороду. Обычную такую бороду, белоснежную и очень пушистую. Но не сама борода привела меня в ступор, а осознание того факта, что росла она из моего подбородка. Подергав шикарное украшение, я получил возможность наглядно убедиться — никакой бутафории. И тут же снова погрузился в глубокий шок, взглянув на свои пальцы. Пухлые, покрытые суховатой кожей, на которой явственно проступала сетка старческих морщин...

Да что за хрень здесь творится! Попытавшись вскочить с кровати, я едва не рухнул на покрытый дубовым паркетом пол, запутавшись в одеяле. В ответ на резкие движения голова решила наградить меня острой вспышкой боли, от которой я едва не завыл. Чувствуя, как возвращается тошнота, а комната начинает медленно вращаться, я доковылял до зеркала и заглянул в него. Оттуда на меня уставился седой как лунь старик с безумными глазами, одетый в просторную розовую ночнушку с блестками.

— Красавчик! — раздался ехидный голос.

Этого мои нервы уже не смогли выдержать. Размахнувшись, я с силой врезал кулаком по зеркалу. От удара оно взорвалось с жутким грохотом. Взрывной волной меня отбросило назад и

впечатало спиной в платяной шкаф. Борясь с заволакивающей сознание болью, я пытался найти ответ на вопрос: что это — кошмар или глупый розыгрыш моих друзей?

Не спору, загримировать меня под Дамблдора было весьма оригинальной идеей. И даже бороду приклеили, что самому не отодрать, сволочи! Но зачем? Фанатом «поттерианы» я не являлся, хотя — каюсь — октологию смотрел с интересом и даже почитывал фанфики о шрамоголовом волшебнике и прочей гоп-компании... И все же, к чему такие сложности-то? А главное, откуда столь парадоксальный выбор персонажа? Можно было превратить меня в Сириуса Блэка, или в этого павлина Локхарта. В Малфоя, на худой конец! Зачем сразу в Дамблдора-то?

Дамблдор... Дамблдор... Дамблдор... Имя кружило в голове, стучась о стенки черепа, словно глупая муха об оконное стекло. И каждый его стук порождал очередную вспышку боли. Схватившись за черепушку, я застонал. А в следующий миг словно прорвало плотину. На меня хлынули образы, знания, воспоминания. Их поток оказался столь мощным, что бедный разум отключился, несмотря на мои отчаянные попытки удержаться на плаву.

* * *

Очередное пробуждение вышло более удачным. Открыв глаза, я обнаружил, что лежу на усеянном осколками зеркала полу, а рядом со мной стоит красивый птах огненной расцветки, роняющий слезы на царапины, коими в изобилии была покрыта моя правая кисть. От влаги пернатого порезы переставали кровоточить и затягивались буквально на глазах, не оставляя даже следов на коже. Закончив лечение, птах поглядел на меня с укоризной. Прочистив горло, я хрипло произнес:

— Спасибо, Фоукс.

Феникс издал длинную трель, а в моей голове возникли несколько образов, которые было несложно расшифровать. Представитель пернатого семейства ругал меня за неосторожность. Видите ли, своим магическим выбросом я заставил его поволноваться и оторвал от общения с симпатичной самочкой.

— Прости, дружище, — повинился я. — Впредь постараюсь не допускать подобного.

Довольно кивнув, феникс исчез в языках пламени, возвращаясь к своей пассивности. Я же с криком поднялся, отряхнул ночнушку и проковылял к кровати, стараясь не наступать на осколки. К счастью, мне это удалось, и звать Фоукса, чтобы тот заплакал на мои старческие пятки, не пришлось. Осторожно присев на краешек, я не удержался от разочарованного вздоха:

— Ну вот, теперь я — Альбус Дамблдор... Полный песец!

Несколько минут я просто сидел на кровати, тупо уставившись в пространство невидящим взглядом и пытаясь осознать данный факт. В том, что происходящее не является сном или пьяным бредом, я практически не сомневался — все вокруг было крайне реалистичным, да и испытанные мною болевые ощущения непрозрачно намекали, что это все взаправду. Конечно, не помешало бы провести дополнительные проверки, вроде чтения незнакомого текста...

Я покосился на книжные полки, затем поглядел на пол, из-за стеклянного крошева превратившийся в настоящее минное поле, и решил использовать иной способ. Крепко зажал пальцами нос и немного подождал. Спустя полминуты, ощутив, что начинаю задыхаться, я с огромным разочарованием признал — ошибки быть не может. Я действительно нахожусь в

теле одного из героев необычайно популярной детской сказки.

Но почему же так вышло? Сосредоточившись, я попытался максимально подробно вспомнить события вчерашнего вечера... Или не вчерашнего? Ладно, не суть важно! В общем, я углубился в воспоминания и выяснил, что из цельного монолита они трансформировались в какую-то невнятную мешанину. В моей голове царил натуральный кавардак. Под руку попадались какие-то обрывки, отдельные образы и ни одного целого продолжительного фрагмента. Чтобы собрать мозаику, пришлось сильно потрудиться, но в итоге я получил более-менее понятную хронику событий. И хотя в ней зияли дыры, общая картина случившегося была ясна.

Где-то после шести мы с парнями собрались на квартире у Жорика, планируя обмыть его покупку, наконец-то доставленную из далекой Англии, и провели у него весь вечер. Надо сказать, Жора был тем еще кадром! Он еще со студенческих времен увлекался оккультизмом. Фанател от всякой мистики, ритуалистики, сатанинских обрядов, таинственных полумифических орденов, сутками торчал на специализированных форумах, общаясь с разными шизиками, утверждавшими, что собственными глазами видели дьявола, писал псевдонаучные статьи...

До человеческих жертвоприношений на городском кладбище, слава богу, Жорик не опускался, однако за десяток лет умудрился собрать дома внушительную коллекцию оккультной литературы, которую регулярно пополнял. Причем, что удивительно, мужиком он был вполне разумным, начитанным, и сам признавал — девяносто процентов содержащейся в книгах информации является откровенной ересью. Но вот по поводу истинности оставшихся десяти был готов спорить до хрипоты, отстаивая свою точку зрения.

Жорик часто показывал нам разные фотографии, запечатлевшие призраков и прочие потусторонние сущности, доказывал, что на Луне Базз Олдрин проводил оккультный обряд в рамках научного эксперимента масонского ордена, приводил исторические факты существования на земле людей со сверхспособностями, рассказывал о случаях применения настоящей магии... В общем, слушать его было интересно, но лично я во всю эту лабуду с инопланетянами, вселенскими заговорами и черными колдунами верить не спешил, периодически подкалывая друга на тему его необычного хобби.

И во время недавних посиделок я себе не изменил. Когда раздувшийся от важности Жорик продемонстрировал нам свое приобретение, оказавшееся невзрачной книгой в черном переплете с пожелтевшими от времени страницами и выдавленной на обложке звездой, заключенной в пару колец, я решил пошутить. Заявив, что с такой книженцией только Сатану вызывать, я наугад раскрыл ее и, дурачась, замогильным голосом прочитал первое, что попало на глаза — коротенький абзац на латыни, написанный темно-красными чернилами и выделявшийся из общего текста.

Слегка захмелевшая компания поржала над вылетевшей из моих уст тарабарщиной, а вот обиженный Жорик наградил меня подзатыльником, отобрал книгу и возмутился:

— Серега, я сколько раз тебе говорил, что с неизвестными заклинаниями не шутят! И вообще, данная книга посвящена человеческой душе, а не сатанинскому культу... Тем более, всем давно известно, что для того, чтобы вызвать дьявола, нужно всего лишь прочитать до конца лицензионное соглашение при установке «Виндовс»!

Дальше в моей памяти зиял пробел, но отдельные выуженные картинки свидетельствовали о том, что посидели мы неплохо. Часам к одиннадцати я отклонялся и покинул собрание — утром нужно было на работу, а светить перед шефом помятой невыспавшейся рожей с темными

мешками под глазами не хотелось. Такси я вызывать не стал, поскольку жил неподалеку. Однако добраться до своей холостяцкой квартирке мне было не суждено. В подворотне у самого дома путь мне преградила троица подростков гоповатого вида, нахально поинтересовавшихся, не найдется ли у меня закурить. Ответив отрицательно, я услышал шорох за спиной, обернулся, успел увидеть стремительное движение и ощутил удар... Дальше — темнота.

— Твою ж мать! — не сдержался я. — Получается, я умер?

Очень похоже на то. Судя по последним ощущениям, меня ударили в висок чем-то тяжелым. Обрезком трубы, если я не ошибаюсь. А если учесть, что даже слабые удары в эту область черепа сопровождаются болевым шоком и потерей сознания, летальный исход гарантирован. Гопник-то бил со всей дури! Хотя, если бы я не повернулся, то вполне мог бы отделаться разбитым затылком и сотрясением... Короче, не повезло. Или повезло — тут как поглядеть. Ведь прочитанное заклинание сработало, и после смерти я неожиданно-негаданно получил новую жизнь в теле вымышленного персонажа.

Хотя, может статься, не такого и вымышленного. В прочитанных мною фанфиках встречалась гипотеза, гласившая, что мир Поттерианы действительно существует, а незабвенная Джоан Роулинг является кем-то вроде провидицы, способной в него заглянуть. Отсюда и дыры в каноне, и абсурдные сюжетные ляпы — просто английская домохозяйка увидела не все, а недостающие фрагменты саги додумала в меру своей фантазии. Что ж, похоже, скрывающиеся за безликими форумными никами графоманы оказались правы. Вселенная Мальчика-Который-Выжил существует, и я — наглядное тому подтверждение.

Блин блинский, но почему все-таки Дамблдор? Я читал много фанфиков с попаданцами. Оно и не удивительно — в последнее время этот жанр необычайно популярен среди фикрайтеров. Буквально все основные и второстепенные персонажи многократно использовались в роли вместилища для чужих душ. Графоманы не щадили ни животных (в одного только василиска вселялись с десятков раз), ни предметы (типа Распределяющей шляпы или Старшей Палочки). Однако директор Хогвартса в качестве пристанища для засланцев отчего-то популярностью не пользовался. Лично я встречал всего один законченный фик с таким сюжетом, тогда как попадуны в Гаррика исчислялись многими сотнями.

Почему? Мне кажется, это связано с неоднозначностью данного персонажа. В каноне Дамблдор действовал настолько странно, что поклонники творчества Роулинг даже придумали теорию дамбигадства, объясняющую все нестыковки и логические ляпы семикнижия. Поэтому фикрайтерам Альбус удобнее в роли главного злодея, а не как главный герой их опусов. И в итоге получился забавный парадокс — в оригинале Дамблдор белый и пушистый, зато в фаноне его образ насквозь отрицательный, на фоне которого тот же Волдеморт выглядит сопливым школьником-хулиганом. А теперь, уважаемые знатоки, внимание — куда же угодил ваш покорный слуга?

— Дамбигад или Дамбигуд — вот в чем вопрос? — задумчиво пробормотал я, почесав в затылке.

Память молчала, не спеша предоставлять ответ. С ней вообще творилось что-то странное. Да, очнувшись повторно, я сразу опознал огненную птичку, вспомнил привычный Дамблдоровский стиль общения с фамилльяром, не удивился лечебному эффекту слез феникса (хотя оригинального Сергея Лопаткина все эти чудеса однозначно должны были повергнуть в шок), однако любая попытка вспомнить какой-нибудь эпизод из жизни директора приносила лишь сильную головную боль.

Причем я чувствовал — знания Альбуса прекрасно усвоились моим разумом. Об этом говорило отсутствие проблем с координацией и великолепное владение разговорным английским, который доселе был у меня на уровне «читаю со словарем». Однако вытащить доставшийся мне от прежнего владельца тела багаж на поверхность сознания отчего-то не получалось. Однако, облом! И что мне теперь делать? Как понять, пригодится ли мне знание канона, если я даже с текущей датой определиться не могу!

— Стоп! — сказал я себе. — Не о том думаешь. На повестке дня имеется вопрос поважнее!

Я как-то упустил из вида, что прежде уточнения деталей мира, в который мне посчастливилось угодить, требовалось определиться — маг я или обычный человек, сиречь презренный маггл. В последнем случае все становилось очень и очень печально. Особого почтения к не владеющим магией людям в каноне не наблюдалось. Там даже положительные герои всячески издевались над магглами — наколдовывали хвосты, надували, стирали память, глазели, как на зверушек в зоопарке... а о злодеях и вспоминать не хочется. Поэтому сейчас надо срочно выяснить, достались ли мне в комплекте с «новым» телом магические способности.

Волшебную палочку долго искать не пришлось. Она лежала на прикроватной тумбочке рядом с очками-половинками. Последние я трогать не стал — успел убедиться, что дедуля обладал стопроцентным зрением, а вот изогнутую указку цапнул и попытался с ее помощью скастовать простейшее заклинание. Направил палочку на осколки и торжественно произнес:

— Эванеско!

Ничего не произошло, хотя старческая кисть без участия сознания совершила поворот, рисуя кончиком палочки причудливую завитушку и наглядно доказывая, что двигательные навыки Альбуса сохранились в полном объеме. Я повторил заклинание, чуть громче, но эффект был тем же — нулевым. Я уже хотел было расстроиться, но тут неожиданно подала голос память. В сознании всплыли несколько образов, принеся с собой понимание, что осколки магического артефакта, которым до моего удара являлось говорящее зеркало, банальным «эванеско» не убираются. И я решил попробовать снова:

— Орхидеус!

Спустя миг на пол шлепнулся букет белых роз, а у меня отлегло от сердца. Живем! С магией я уже не жалкая букашка, а настоящий волшебник! Ну... почти. Ведь вопрос с памятью, упрямо отказывающейся снабжать меня жизненно необходимыми сведениями, никуда не делся, а на десятке-другом заклинаний, которые я помнил из канона, далеко не уедешь... Да и с соображалкой, как это ни печально, наблюдаются большие проблемы. С чего я взял, что не обладаю способностями волшебника, если феникс всего минуту назад заявил, что говорящее зеркало я расхреначил магическим выбросом? Тормозим, батенька! Хотя, данное досадное недоразумение можно списать на постпападанческий шок. Все же я не привык менять тела, как перчатки, и подобный промах вполне простителен.

Слегка приободрившись, я стал думать, что мне делать дальше. В голову ничего путного не приходило, и я решил последовать стандартному плану «попаданцев» — порефлексировать. Что ни говори, а новая жизнь в теле Дамби поводов для радости не давала. Пусть директор Хогвартса был могучим волшебником, которого боялся сам Темный Лорд, но ему ведь уже перевалило за сотню! Сменить крепкое здоровое тело тридцатилетнего мужчины на организм маявшейся артритом престарелой развалины — вот где настоящее «попадалово»! И почему заклинание не закинуло меня в какого-нибудь другого персонажа? Согласен даже на Мальчика-Во-Все-Дырки-Затычку!

Увлекательное занятие было прервано памятью. Она без предупреждения изрыгнула из своих недр поток образов, осознав которые, я понял, что прежний Альбус в ближайшие лет двести помирать не собирался. До этого дня директор держался молодцом, мог похвастаться исключительным здоровьем и бодростью духа. Вообще, запоминающийся образ безобидного старичка был выбран волшебником еще в начале преподавательской карьеры и здорово помогал профессору трансфигурации в общении с учениками, а после как-то незаметно вошел в привычку. Вид безобидного добродушного старца, смахивающего на Санту Клауса, неизменно пробуждал доверие у собеседников и настраивал их на позитивный лад, поэтому менять имидж директору не было нужды. На деле же Дамблдор — мужчина в самом расцвете сил. Прямо как Карлсон. И наверняка мое поганое самочувствие после пробуждения — побочный эффект переноса, либо...

Додумать мысль мне не позволил хлопок. Передо мной возникло маленькое ушастое создание с большими выразительными глазами, одетое в серую наволочку, на которой красовался герб Хогвартса. Память наградила меня новой порцией образов, которые позволили понять, что это — домовый эльф Ниппи. Один из самых сообразительных членов школьной общины домовиков, последние несколько лет с успехом выполнявший для Дамблдора обязанности личного слуги, секретаря, уборщика... Короче, был мастером на все руки.

— Господин директор уже проснулся? — пропищало существо. — Ниппи пришел напомнить, что у господина директора через полчаса встреча с профессором МакГонагалл.

— Ясно. Ниппи, я тут немного насорил... Ты не мог бы убрать этот беспорядок? — я обвел рукой комнату.

— Конечно, господин директор!

Эльф щелкнул пальцами, и по спальне пронесся сильный порыв ветра, который поднял все осколки и собрал их в одну кучу. Второй щелчок — и мусор исчезает без следа, а домовик преданно заглядывает мне в глаза:

— Еще что-нибудь, господин директор?

— Нет. Спасибо тебе огромное, Ниппи!

Едва произнеся это, я почувствовал, как от меня исходит сила, вливаясь в маленькое тело слуги. Ощущения были очень необычными — как будто я согревал своим дыханием чьи-то озябшие руки. Домовик зажмурился от удовольствия и расплылся в широкой улыбке, демонстрируя набор остроконечных зубов. А когда передача прекратилась, маленькое создание, в глазах которого светилось искреннее обожание, поклонилось мне, едва не коснувшись ушами пола, и пропало с аналогичным хлопком.

Память тут же подсказала, что этот звук вовсе не является характерным для аппарации, как утверждали многие земные фикрайтеры, ссылаясь на законы физики. Все намного проще. Хлопок рождает не воздух, который заполняет вакуум, образовывающийся после исчезновения тела, а магия домового эльфа. Ведь внезапно осознать, что за тобой наблюдают, не слишком-то приятно. Так же, как давать инструкции пустоте, не заметив исчезновения слуги. Поэтому ушастиков еще в младенчестве учат предупреждать хозяев о своем появлении и уходе.

Ладно, это все — лирика, а мне нужно готовиться к встрече с МакКошкой. Удручало, что коварная память, сочтя свой долг выполненным, снова впала в спячку, не спеша пояснить, где должна состояться эта встреча, что именно директор планировал обсудить с деканом львиного факультета, и как вообще мне вести себя с профессором трансфигурации. Минерва являлась

ученицей Дамблдора, долгое время с ним работала и наверняка знает директора, как облупленного. Что, если она обнаружит подмену? Судя по канону, МакГонагалл — та еще штучка. Вполне может приласкать нехорошим заклинанием притворяющегося Альбусом чужака. А узнав правду, еще и прибить «на радостях». Подобный вариант меня категорически не устраивал, но делать было нечего. Если директор начнет прятаться от своего заместителя, это породит еще больше подозрений.

Решительно поднявшись с кровати, я машинально подхватил с тумбочки очки и привычным движением водрузил их на переносицу. Окружающий мир тотчас преобразился, наполнившись разноцветными линиями и сверкающими пятнами. Больше всего их оказалось на книжных полках — некоторые старинные фолианты светились так сильно, что напоминали электрические лампочки оригинальной формы. На оконной раме можно было заметить цепочки поблескивающих рун, на шкафу красовался целый узор, а палочка в моей руке превратилась в маленькое солнышко. Таки не ошиблись графоманы — директорские очки на самом деле являются артефактом, позволяющим видеть проявления магии!

Обнаружив на одной из стен замаскированную дверь, я открыл ее и вышел в небольшую прихожую. Там было еще две двери. Одна вела в директорский кабинет, а другая — в туалет. Эта находка пришлась очень кстати, поскольку меня уже поджимало. Оценив прелести позолоченного унитаза, восхитившись огромной чугунной ванной и освежившись в местном умывальнике, где имелась горячая вода, я вспомнил, что до сих пор щеголяю в бабской ночнушке, и вернулся в спальню, чтобы переодеться.

Гардероб Великого Волшебника содержал массу одежды, поражавшей пестротой расцветки и яркостью оттенков. Основу составляли мантии, большая часть которых выглядела, словно праздничные открытки, но лично у меня вызвала глубокое отвращение. Ходить в подобном убожестве? Нет уж, увольте! Для загородной дачи или костюмированной вечеринки такие наряды еще годятся, но показываться в них на глаза приличным людям нельзя. Хорошо еще, в платяном шкафу, который внутри был на порядок больше, чем снаружи, имелись и маггловские шмотки.

Десяток минут спустя я выбрался наружу, одетый в классический костюм-тройку, удобно устроившийся на директорской фигуре. Обнаружив в тумбочке расческу, привел в порядок всклокоченную бороду и шевелюру. При этом волшебную палочку я машинально сунул в рукав и только потом осознал, что сделал. Удивительно, но выпадать магический инструмент не собирался. Он каким-то образом приклеился к внутренней стороне рукава пиджака, но при этом охотно выдвигался в ладонь, стоило мне только пожелать его достать. Вот оно как! Оказывается, в карманах свои волшебные палочки таскают только тупые малолетние гриффиндорцы, а настоящие волшебники к магическим артефактам относятся бережно и привыкли всегда держать под рукой.

Поправив очки и смахнув с плеча воображаемую пылинку, я почувствовал себя готовым к предстоящей встрече и направился в кабинет. Он оказался намного больше спальни и смог без проблем вместить пяток книжных шкафов, огромный журнальный стол с кожаным креслом, больше похожим на королевский трон, диванчик для посетителей, причудливую вешалку у входа и даже несколько стульев с высокими спинками.

— Доброе утро! — вразнобой поприветствовали меня импозантные двухмерные джентльмены со стен.

— Доброе утро, коллеги, — отозвался я, мысленно коря себя за тупость.

Я ведь даже не вспомнил о живых портретах! Хорошо, те первыми подали голос, иначе получили бы возможность понаблюдать за любопытной сценкой — Альбус Дамблдор с удивлением рассматривает обстановку собственного кабинета. Да, после такого «палева» на конспирации можно было однозначно ставить крест.

Отвесив себе мысленную оплеуху и велев впредь не расслабляться, я опустил в шикарное кресло, которое мгновенно подстроилось под форму директорской задницы, обеспечив максимальную степень комфорта. Изображая бурную деятельность для нарисованных соглядатаев, я принялся внимательно изучать лежавшие на столе документы. Все они, так или иначе, относились к Хогвартской бухгалтерии. Также присутствовали договора о поставках продуктов, планы закупки школьного инвентаря и прочее. Сравнив даты на них, я сделал вывод, что попал в июль девяносто первого. В самое начало канона.

Плохо это или хорошо, я не успел определиться. Тихо звякнул колокольчик. Память услужливо подсказала, что таким способом хозяину кабинета сообщается о посетителе, который миновал каменную горгулью и сейчас поднимается по лестнице. Спустя полминуты дверь открылась, впуская чопорную женщину в серо-зеленой мантии. Внешне гостья была довольно привлекательной. И хотя на ее строгом лице не наблюдалось косметики, а безвкусный пучок темных волос на затылке слегка портил впечатление, я никак не мог увидеть в посетительнице ту худощавую сухонькую старушку, что была показана в фильмах.

И это не удивительно. Что такое пятьдесят лет для волшебницы, способной прожить несколько столетий? Сущий пустяк! Кроме того, разные косметические зелья, позволяющие подольше сохранить подаренную природой красоту, еще никто не отменял. А в результате передо мной стояла не престарелая сморщенная ведьма, из которой едва песок не сыпался, а вполне симпатичная женщина бальзаковского возраста.

«Так вот ты какая, Минерва МакГонагалл, — удивленно подумал я, разглядывая гостью поверх очков. — Что ж, очень приятно познакомиться!»

— Здравствуй, Альбус! — произнесла волшебница бархатным контральто, уголками губ обозначив улыбку.

К сожалению, доставшаяся мне в наследство память не спешила выдавать полагающиеся случаю образы, поэтому пришлось выкручиваться самому.

— Доброе утро, Минни, — мягко произнес я. — Прекрасно выглядишь!

— Благодарю за комплимент. Могу ответить тем же — этот маггловский наряд очень тебе идет. В нем тебе можно дать максимум шестьдесят, а если еще бороду убрать... ой, прости! Не хотела обидеть.

— Не нужно извиняться! — усмехнулся я, машинально пригладив упомянутое украшение. — Я и сам в последнее время все чаще подумываю сменить имидж... Ох, где же мои манеры? Прошу, присаживайся!

Я указал на удобный диванчик, однако профессор трансфигурации не пожелала воспользоваться предложением:

— Спасибо, я ненадолго. Надеюсь, ты успел подготовить список?

Список? Какой еще список? Память продолжала играть в молчанку. Мысленно поежившись под требовательным взглядом Минервы, в этот момент живо напомнившей мою школьную

учительницу математики, которую все младшеклассники боялись, как огня, я предпринял отчаянную попытку покопаться в извилинах, на что предсказуемо получил очередную вспышку головной боли. Поморщившись и помассировав виски, я устало вздохнул:

— Прости, Минни, что-то в последнее время у меня память пошаливает. Не напомнишь, о каком списке идет речь?

— Разумеется, о списке будущих первокурсников! Мне же нужно разослать им приглашения, — ответила МакГонагалл с легким недоумением и окинула меня обеспокоенным взглядом: — Альбус, ты хорошо себя чувствуешь?

— Признаться откровенно, препаршиво. Голова буквально раскалывается на части, — ответил я, хватаясь за удобный предлог, и для пущей достоверности кивнул на ворох бумаг на столе: — Школьная бухгалтерия из меня все соки выпила.

Продолжая изучать меня настороженным взглядом, гостя неуверенно произнесла:

— Думаю, дело тут не только в бухгалтерии. Альбус, мне определенно не нравится нездоровый оттенок твоего лица. И острая головная боль для волшебника твоего уровня — явный повод для беспокойства. Может, тебе стоит обратиться к Помфри?

Несмотря на боль, отголоски которой продолжали гулять по моей черепушке, я признал, что идея шикарная. Одним выстрелом можно убить двух зайцев — сбежать от задумчивого разговора с профессором трансфигурации и обеспечить себе замечательную отмазку на случай будущих промахов. Облегченно улыбнувшись Минерве, я поднялся со своего трона:

— Да, ты абсолютно права. Прямо сейчас и отправлюсь в больничное крыло, а ты покопайся у меня в столе...

Я был вынужден прерваться, поскольку почувствовал сильный приступ головокружения. В глазах потемнело. Чтобы не упасть, мне пришлось вцепиться в стол, что меня совсем не обрадовало. Оказывается, директор-то молодился, неслабо приукрашая действительность, а на самом деле являлся стариком, одной ногой стоявшим в могиле! Вот ведь сюрприз! Да, морально я был готов к тому, что тело столетнего волшебника окажется не способным к полноценной жизни (это я о близком контакте с противоположным полом, если кто не понял), но выходит, мне теперь даже резко вставать нельзя? А не за горами артрит, варикоз, болезнь Альцгеймера... Может, лучше сразу заавадиться?

— Так, Альбус, срочно к Помфри! — безапелляционно приказала Минерва, от которой не укрылся мой приступ слабости. — Не переживай, я сама найду все, что нужно!

Согласно кивнув, я собирался направиться к выходу из кабинета, но потом сообразил, что это бессмысленно — я все равно не представлял, как добраться до вотчины школьного колдомедика. Да, существовала вероятность, что память где-то по дороге очнется и выдаст мне знание верного маршрута, но она была настолько мала, что я решил отказаться от путешествия наобум. Камин, стоявший в углу, тоже отпадал. Хотя я и помнил из канона, как им пользоваться, но уверенности, что где-то в больничном крыле имеется точка выхода, не ощущал.

Вот ведь засада! Ну не МакГонагалл же просить доставить болезного до пункта назначения? Или сделать финт ушами и картинно лишиться сознания, имитируя серьезные проблемы со здоровьем? Конечно, заманчиво, однако мой спектакль может вызвать в школе нешуточный переполох. Поползут слухи, способные привлечь всеобщее внимание к директорской персоне, в

моем и без того шатком положении совершенно излишнее... О, придумал!

— Ниппи! — позвал я.

Секунду спустя раздался хлопок, и передо мной появился домовик, услужливо поинтересовавшийся:

— Чем Ниппи может помочь господину директору?

— Доставь меня к мадам Помфри! — попросил я, протягивая руку маленькому существу.

Эльф схватил меня за пальцы, и перед глазами в очередной раз потемнело. Земные фикрайтеры угадали — аппарация домовиков действительно обладала удивительными свойствами. Самого перемещения я даже не почувствовал. Просто на миг вокруг сгустилась тьма, после чего я обнаружил себя в просторном кабинете, интерьер которого был выполнен в светлых успокаивающих тонах. Цвета мебели, стен, пола и штор на окнах колебались от белоснежно белого до насыщенного бежевого оттенка. Единственным темным пятном в этом молочном царстве являлась полноправная хозяйка больничного крыла — Поппи Помфри.

После встречи с Минервой я был готов к чему угодно, однако внешность реального колдомедика Хогвартса почти на сто процентов совпадала с ее киношным аналогом. За столом, заставленным разными ящичками со склянками и пузырьками, восседала пожилая женщина в длинном бордовом платье с белыми кружевами, волосы которой, слегка тронутые сединой, прикрывала косынка. Увидев меня, Поппи отложила в сторону пучок сушеных трав и прохладно осведомилась:

— Чем обязана вашему визиту, господин директор?

Неожиданно очнулась память, выдав на гора целый ворох образов, из которых я смог понять, что отношения Помфри с Дамблдором в последние десятилетия находились в стадии «профессионально-вежливые». А все из-за давней ситуации с Ремусом Люпином. Колдомедик, понимавшая степень опасности пребывания молодого не контролирующего себя в полнолуние оборотня в школе, полной детей, никак не могла одобрить директорское решение. А поскольку характер у женщины был прямолинейным, узнав о необычном ученике, Помфри без промедления высказала все претензии Альбусу в лицо.

Несмотря на свой дар красноречия, Дамблдор не смог убедить Поппи, что обучать оборотня в Хогвартсе — хорошая идея, и в итоге просто-напросто поставил ее перед фактом. И семь лет колдомедику приходилось лично наблюдать за учеником, страдающим от «пушистой проблемы», не имея возможности устранить явную угрозу жизни и здоровью прочих обитателей школы. Да, женщине было жалко талантливого скромного мальчика, однако, если бы не Обет, данный непосредственному начальнику, Помфри, не колеблясь, сообщила бы про оборотня Совету Попечителей. Особенно после случая со Снейпом, которому как-то раз пришлось залечивать царапины, оставленные длинными когтями монстра.

Возможно, укусы оборотень Северуса и сделай его себе подобным, колдомедик плюнула бы на последствия и инициировала скандал, однако травмы оказались незначительными. К тому же сам пострадавший не захотел выносить историю на люди — во время обработки порезов краснел и мямлил, что случайно угодил в колючие кусты. И Помфри в очередной раз подчинилась требованиям Альбуса оставить случившееся втайне, но с той поры особого пиетета перед директором не испытывала. Хотя вслед не плевала, признавая его заслуги.

— Поппи, ты не могла бы проверить мое здоровье? — обратился я к женщине, «переварив»

череду образов. — Что-то я сегодня неважно себя чувствую. Мигрень, тошнота, головокружение, проблемы с памятью... Даже не представляю, чем это может быть вызвано.

Колдомедик решительно подошла ко мне, извлекла из просторного рукава палочку, что-то прошептала и начала водить ей, очерчивая контуры моего тела. Благодаря очкам мне было прекрасно видно, как из магического артефакта полилось зеленоватое сияние, которое превратилось в мелкаячеистую паутинку, окутавшую меня с ног до головы и постепенно начавшую менять цвет на ярко алый. По мере работы заклинания лицо Помфри все больше бледнело. Решительным взмахом деактивировав «паутинку», колдомедик кинулась к столу и достала из ящика пузатую склянку, наполненную черной маслянистой жидкостью.

— В чем дело? — не на шутку струхнув, осведомился я.

Откупорив пробку, Поппи плеснула угольный настой в стакан, щедро сыпанула туда же какой-то желтоватый порошок и только тогда ответила:

— Господин директор, похоже, вас отравили!

<http://tl.rulate.ru/book/29927/638324>